

Андрей Белый

СИМФОНИЯ №2
ДРАМАТИЧЕСКАЯ

ПСИХОДЕЛИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б43

Белый, А.

Б43 Симфония №2. Драматическая / А. Белый. — М. : T8RUGRAM, 2018. — 136 с. — (Модное чтение).

ISBN 978-5-521-77939-0

Андрей Белый (1880—1934) — поэт Серебряного века, писатель, критик, мемуарист, один из ведущих деятелей русского символизма и модернизма.

«Симфония №2. Драматическая» — творческое открытие Белого, удивительный синтез слова и музыки, известный как ритмическая поза. Названная автором «драматической», она демонстрирует важную для поэта черту — склонность к сатире. Увлекательная словесная игра, в которой сливаются воедино мистические образы, дерзкая поэзия и урбанистические картины, произведёт неизгладимое впечатление на читателя.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77939-0

© T8RUGRAM, 2018

**СИМФОНИЯ №2
ДРАМАТИЧЕСКАЯ**

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Исключительность формы настоящего произведения обязывает меня сказать несколько пояснительных слов.

Произведение это имеет три смысла: музыкальный, сатирический и, кроме того, идейно-символический. Во-первых, это — симфония, задача которой состоит в выражении ряда настроений, связанных друг с другом основным настроением (настроенностью, ладом); отсюда вытекает необходимость разделения ее на части, частей на отрывки и отрывки на стихи (музыкальные фразы); неоднократное повторение некоторых музыкальных фраз подчеркивает это разделение.

Второй смысл — сатирический: здесь осмеиваются некоторые крайности мистицизма. Является вопрос, мотивировано ли сатирическое отношение к людям и событиям, существование которых для весьма многих сомнительно. Вместо ответа я могу посоветовать внимательнее приглядеться к окружающей действительности.

Наконец, за музыкальным и сатирическим смыслом для внимательного читателя, может быть, станет ясен и идейный смысл, который, являясь преобладающим, не уничтожает ни музыкального, ни сатирического смысла. Совмещение в одном отрывке или стихе всех трех сторон ведет к символизму...

26 сентября 1901, Москва

ЧАСТЬ I

Стояла душная страда.

Мостовая ослепительно сверкала.

Трещали извозчики, подставляя жаркому солнцу истертые, синие спины.

Дворники поднимали прах столбом, не смущаясь гримасами прохожих, гогоча коричнево-пыльными лицами.

На тротуарах бежали истощенные жаром разночинцы и подозрительные мещане.

Все были бледны, и надо всеми нависал свод голубой, серо-синий, то серый, то черный, полный музыкальной скуки, вечной скуки, с солнцем-глазом посреди.

Оттуда лились потоки металлической раскаленности.

Всякий бежал неизвестно куда и зачем, боясь смотреть в глаза правде.

Поэт писал стихотворение о любви, но затруднялся в выборе рифм, но посадил чернильную кляксу, но, обратив очи к окну, испугался небесной скуки. Ему улыбался свод серо-синий с солнцем-глазом посреди.

Двое спорили за чашкой чаю о людях больших и малых. Их надтреснутые голоса охрипли от спора.

Один сидел, облокотившись на стол. Он поднял глаза к окну. Увидел. Оборвал все нити разговора. Поймал улыбку вечной скуки.

Другой наклонил к нему свое подслеповатое лицо, изрытое оспой, и, обрызгивая слюной противника, докрикивал свое возражение.

Но тот не пожелал обтереть лицо свое платком; он удалился в глубокое, окунулся в бездонное.

А торжествующий противник откинулся на спинку стула, глядя на молчащего из-под золотых очков добрыми, глупыми глазами.

Он ничего не знал о разоблачении последних покровов.

А на улицах, где было душно и ослепительно бело, проехали поливальщики в синих куртках.

Они сидели на бочках, а из-под бочек лилась вода.

Дома гора горой топорщились и чванились, словно откормленные свиньи.

Робкому пешеходу они то подмигивали бесчисленными окнами, то подставляли ему в знак презрения свою глухую стену, то насмехались над заветными мыслями его, выпуская столбы дыма.

В те дни и часы в присутственных местах составлялись бумаги и отношения, а петух водил кур по мощному дворику.

Были на дворики и две серые цесарки.

Талантливый художник на большом полотне изобразил «чудо», а в мясной лавке висело двадцать ободранных туш.

И все это знали, и все это скрывали, боясь обратить глаза свои к скуке.

А она стояла у каждого за плечами невидимым, туманным очертанием.

Хотя поливальщики утешали всех и каждого, разводя грязь, а на бульваре дети катали обручи.

Хотя смеялся всем в глаза свод голубой, свод серосиний, свод небесный и страшный с солнцем-глазом посреди.

Оттуда неслись унылые и суровые песни Вечности великой. Вечности царящей.

И эти песни были как гаммы. Гаммы из невидимого мира. Вечно те же и те же. Едва оканчивались, как уж начинались.

Едва успокаивали, — и уж раздражали.

Вечно те же и те же, без начала и конца.

День кончался. На Пречистенском бульваре играла военная музыка, неизвестно зачем, и на бульвар пришли многие обитатели домов и подвалов, неизвестно откуда. Ходили взад и вперед по бульвару. Стояли перед музыкой, тесня и толкая друг друга.

Отпускали шуточки, наступали медвежьими лапами на платье дам; а человек с палочкой все махал и махал ею. Трубачи, насупив брови, выводили: «Смейся, паяц, над любовью разбитой, смейся, что жизнь отравлена навсегда».

Зелено-бледный горбач с подвязанной щекой гулял на музыке, сопровождаемый малокровной супругой и колченогим сынишкой.

На нем было желтое пальто, огненные перчатки и громадный цилиндр. Это был врач городской больницы.

Еще вчера он отправил в сумасшедший дом одного чахоточного, который в больнице внезапно открыл перед всеми бездну.

Сумасшедший тихо шептал при этом: «Я знаю тебя, Вечность!»

Все ужаснулись, услышав о скрываемом, призвали горбатого врача и отправили смельчака куда не следовало.

Это было вчера, а сегодня горбатый врач гулял на музыке с малокровной супругой и колченогим сынишкой...

В модном магазине работал «лифт». Человек, управлявший занятой машиной, с остервенением летал вверх и вниз вдоль четырех этажей. Везде стояли толпы дам и мужчин, врывающиеся в вагончик, давя и ругая друг друга. Хотя тут же были устроены лестницы.

И над этой толкотней величаво и таинственно от времени до времени возглашалось деревянным голосом: «Счет».

У окон книжного магазина стоял красивый юноша в поношенной тужурке, с непомерно грязной шеей и черными ногтями.

Он сентиментально смотрел на экземпляр немецкого перевода сочинений Максима Горького, пощипывая подбородок.

Перед книжным магазином стояла пара рысаков. На козлах сидел потный кучер с величавым лицом, черными усами и нависшими бровями.

Это был как бы второй Ницше.

Из магазина выскочила толстая свинья с пятачковым носом и в изящном пальто. Она хрюкнула, увидев хорошенькую даму, и лениво вскочила в экипаж.

Ницше тронул поводья, и свинья, везомая рысакими, отирала пот, выступивший на лбу.

Студент постоял перед окном книжного магазина и пошел своей дорогой, стараясь держать себя независимо.

Много еще ужасов бывало...

Темнело. На востоке была синяя дымка, грустно туманная и вечно скучная, а с бульвара неслись звуки оркестра.

Каждый точно сбросил с плеч свою скуку, а мальчишки и девчонки бегали по улицам с букетиками незабудок.

В тот час по всем направлениям можно было встретить угрюмых самокатчиков. В поте лица они работали ногами и сгибали спины; они угрожали звонками и тарасили глаза, перегоняя друг друга.

В тот час философ возвращался домой своей деланной походкой, неся под мышкой «Критику чистого разума».

Ему встретился на извозчике господин в котелке с рыжими отпрысками бороды. Он сосал набалдашник своей трости, напевая веселую шансонетку.

Обменялись поклонами. Философ с деланной небрежностью приложил руку к фуражке, а сидящий на извозчике раздвинул рот, чтобы обнаружить свои гнилые зубы, и приветственно повращал кистью руки.

Не был он умником, но отец его отличался умом...

И то место, где они взаимно почтили себя приветствиями, опорожнилось... Справа виднелась спина философа и корешок «Критики чистого разума», а слева — согбенный извозчик погонял свою клячу, увозя седока.

А над пустым местом из открытого окна раздавались плачевные звуки: «Аууу, аууу».

Это консерваторка пробовала голос.

Философ позвонил. И когда ему отворили, он швырнул на стол «Критику чистого разума», а сам в беспредметной скуке упал на постель.